

С. С. Ярошенко

Лишние люди, или О режиме исключения в постсоветском обществе

ЯРОШЕНКО Светлана Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры сравнительной социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 191124, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, под. 8.

Email: svetayaroshenko@gmail.com

В статье анализируется режим социального исключения в постсоциалистических условиях: институционально организованное ограничение доступа к ресурсам, необходимым для достижения материального благополучия и интеграции в постсоветское рыночное общество. Рассматривается специфическая форма социального исключения, сформированная в процессе рыночной трансформации и обусловленная двумя способами управления бедностью. Во-первых, на фоне деиндустриализации 1990-х гг. появляется крайняя бедность, а адаптация к рынку происходит через защитные стратегии выживания за рамками рабочих мест. Во-вторых, в ситуации формирования рыночной сферы обслуживания в 2000-е гг. бедность становится застойной и усиливается её администрирование через конструирование усечённого социального гражданства и принуждение к низкооплачиваемому труду. На основании данных лонгитюдного качественного исследования 1999–2010 гг. среди зарегистрированных бедных одного российского региона проводится сравнение изменений в структурах возможностей, практиках их использования и достигаемых результатах. Доказывается, что формирование рыночной экономики обслуживания в постсоветском обществе сопровождается созданием слоя «лишних», вытесняемых на периферию рынка труда, компенсирующих низкую зарплату статусными формами вознаграждения и мобилизующих ресурсы из других сфер для покрытия низких доходов. Игнорирование их опыта сопротивления и закрепление социальной дистанции с помощью низкой оплаты труда и отсутствия социально приемлемых альтернатив способствуют мистификации процесса извлечения прибыли из значимой деятельности. В заключении обосновывается вывод о том, что пока не найдено способа нормализации рыночной экономики обслуживания, зона исключения будет расширяться. Предлагается вариант развития социологического институционализма, в котором институты определяются по степени концентрации действий по использованию доступных возможностей.

Ключевые слова: лишние люди; режим социального исключения; усечённое социальное гражданство; постсоветское рыночное общество; постсоциализм; неолиберализм.

Осуществление человеком жизненной стратегии, направленной на сохранение внутреннего мира, свободы личного выбора, становится важнейшим фактором истории. В некоторых, ключевых, ситуациях такая стратегия превращается в единственную гарантию сохранения и развития социальной системы.

[Наумова 2006: 8]

Введение

В этой статье анализируется режим исключения в постсоветском обществе, пережившем за последние два десятилетия радикальную трансформацию, в результате которой вместо реального социализма наступил реальный капитализм. Экономике социалистического перераспределения сменил капиталистический рынок. Государство демонстрирует избирательную политику невмешательства, а общество — отдельные очаги сопротивления реальности, не совпадающей с теми представлениями о благополучии, с которыми в 1990-х гг. начинались перемены. Эпиграф к статье, взятый из книги российского философа и социолога Н. Ф. Наумовой, ярко отражает романтические настроения того времени и то, что не вошло в реализованную политику экономической реструктуризации, что остаётся неучтённым правительством и недооценённым экспертами. Вопреки ожиданиям рыночная экономика если не сократила, то законсервировала возможности большинства россиян управлять личной жизнью и достигать достатка способами, позволяющими создавать «постсоветское» общественное устройство без разрыва связей и исключения.

Сокращение возможностей отчасти фиксируется официальной статистикой и отчётами правительственных экспертов. Так, несмотря на экономическую стабилизацию 2000-х гг., продолжительность жизни лишь возвращается к позднесоветскому уровню [Андреев, Кваша, Харькова 2013: 390–391], формально низкий уровень бедности обеспечивается ужесточением расчётов прожиточного минимума [Овчарова 2001: 171–172; 2010: 27], а низкий уровень безработицы — расширением неформальной и низкооплачиваемой занятости [Малева 2011: 63]. При этом признаётся, что преимуществами рыночной экономики могут воспользоваться около 40% россиян — именно столько тех, чьи доходы увеличились за последние 20 лет; у остальных они либо остались неизменными, либо существенно сократились [Андрущак et al. 2011]. Между тем реакция общества на неравное распределение рыночных благ либо игнорируется, либо оценивается весьма противоречиво. Экономисты считают рост ВВП основным гарантом общественного спокойствия, а потому беспокоятся о повышении экономической эффективности и устойчивости экономического развития [Гайдар 2009; Кудрин 2017]. Социологи, напротив, скептически относятся к благотворному влиянию экономического роста, их всё больше волнует, когда и в какой форме российское общество начнёт умирять или уже умиряет свободный рынок: через социальные движения [Клеман, Мирясова, Демидов 2010] или через распространение традиционных ценностей [Инглхарт 2010]. В целом социальные последствия радикальной рыночной трансформации общества, пережившего социализм, остаются невидимыми, поскольку не только анализируются неподходящими для этого инструментами, но зачастую просто не принимаются в расчёт. В результате остаётся неясным, какой ценой и кто не вошёл в российский рынок, насколько жёстко задана граница и высок риск попадания в эту группу других социальных слоёв, а не только оказавшихся на краю материального благополучия в «лихие» 1990-е гг.¹

В фокусе данной статьи — социальная категория «лишние»², то есть не вписывающиеся в рыночное общество российские граждане, чьи условия жизнедеятельности на протяжении последних двух десятилетий отличает крайняя бедность. Состояние это продолжительно и граничит с исключением из общества. На основании данных лонгитюдного качественного исследования 1999–2010 гг., участни-

¹ Я благодарна всем, кто принимал участие в обсуждении статьи: участникам аспирантского семинара Наталье Трегубовой, Валентину Старикову и Валентине Исаевой за комментарии, Татьяне Лыткиной, Астрид Шорн и Диане Оскорбиной за критику и поддержку, а также анонимным рецензентам за важные замечания.

² В России представление о так называемых лишних людях ассоциируется главным образом с типами русской дворянской литературы XIX века [Лаврецкий 1932]. Как правило, это литературные персонажи, не умеющие найти применения своим силам и способностям в жизни общества [Фёдоров 2008]. В данной статье «лишние» — это метафора, отражающая разрыв социальных связей и процесс социального исключения в условиях экспансии рыночных отношений в постсоветском обществе, в котором прежняя привязанность к работе как к месту идентификации и распределения благ становится источником деморализации и средством извлечения прибыли.

ками которого были зарегистрированные бедные Сыктывкара, делался сравнительный анализ структурных возможностей, практических действий по их реализации и достигаемых результатов среди исключённых и работающих бедных. В итоге анализируется режим социального исключения в постсоветском обществе, то есть институционально организованное ограничение доступа к ресурсам (assets), необходимым для достижения материального благополучия, а значит, и интеграции в постсоветское рыночное общество, в котором сохраняется высокая значимость идентификации через работу и самореализации в процессе труда.

Отправной точкой при написании статьи стали результаты двух проектов, выполненных в стиле качественного социологического исследования и ориентированных на последовательное изучение того, как меняются условия доступа к благам после реального социализма. Оба проекта начинались в 1990-е гг., проводились вместе с коллегами из Коми научного центра Уральского отделения (УрО) РАН в одном и том же северном регионе России, обращались к зарегистрированным бедным, реализовывались в форме глубинных интервью и были протяжёнными во времени³. В центре внимания первого проекта были сельские жители⁴; второго — городские⁵. Связывало оба проекта то, что, несмотря на предпринимаемые усилия, наши информанты испытывали серьёзные материальные лишения и вынуждены были обратиться за поддержкой к государству.

В тщетных попытках самостоятельно решить навалившиеся жизненные трудности или найти поддержку извне проявляется действие механизма, препятствующего реализации рыночных шансов и сдерживающего передвижение в другой социальный класс. В статье для обозначения данного механизма использована феминистская стратегия анализа: исходя из перспективы крайне бедных, через детальное изучение их низового повседневного опыта борьбы с бедностью и через определение того, как в координации действий с другими, более благополучными согражданами формируется распорядок доступа к ресурсам, необходимым для интеграции в общество.

Информационная база исследования: данные пяти волн глубинных интервью среди официально признанных бедными, то есть обратившихся в социальные службы за поддержкой и получивших в 1998 г. статус «нуждающийся». На основании списков зарегистрированных бедных на начальном этапе были отобраны 30 мужчин и 30 женщин, моложе и старше 35 лет, половина из которых не имели высшего образования. В течение 1999–2001 гг. два раза в год с респондентами проводились глубинные фокусированные интервью согласно путеводителю, включающему два основных блока вопросов — о поведении на рынке труда и о ситуации в домохозяйстве (бюджет и распределение обязанностей). В дополнении к транскрипции интервью некоторые ответы респондентов были формализованы и занесены в базу данных SPSS (*Statistical Package for the Social Sciences*). Всего за этот период было реализовано четыре волны качественного социологического исследования. Спустя почти 10 лет, в 2010 г., мы снова вернулись к нашим информантам, чтобы узнать об изменениях. В ходе пятой волны были найдены 38 информантов из первоначальной выборки (17 мужчин и 21 женщина).

³ Сквозь призму одного региона в исследовании раскрывается сложный механизм социальных отношений, а репрезентация единичного случая обеспечивается через аналитическую концепцию режима социального исключения.

⁴ Исследование проводилось при финансовой поддержке Фонда Сороса (RSS No. 1273/1999). Проект «От достойных бедных к андерклассу: практика социального исключения в условиях переходной экономики России»; научный руководитель — Светлана Ярошенко; см. подробнее: [Ярошенко 2001; 2004].

⁵ Исследование проводилось при финансовой поддержке независимой международной ассоциация по содействию сотрудничеству с учёными новых независимых государств бывшего Советского Союза ИНТАС (The International Association for the Promotion of Cooperation with Scientists from the Independent States of the Former Soviet Union — INTAS) (INTAS-97-20280). Проект «Гендерные различия стратегий занятости в России»; научный руководитель — Сара Ашвин (Лондонская школа экономики); см. подробнее: [Ярошенко 2002; 2013].

Анализ основан на тематическом кодировании структур возможностей, практик их использования и достигаемых результатов. «Структуры возможностей» выражаются в способах, доступных для интеграции, и раскрываются через фиксацию набора действий, предпринимаемых для решения проблем, вызванных ослаблением взаимосвязи труда и благополучия. В данной категории выделяются следующие варианты совмещения занятости с «частными защитами»: неформальный; мигрирующий; лояльный и подчинённый. Практики использования возможностей рассматриваются через категорию «статусная компенсация», а достигаемые результаты — через категорию «ресурсное истощение». В итоге представлен процесс институционализации исключения через вытеснение на периферию, усиление статусной иерархии и мобилизацию ресурсов для покрытия издержек в ситуации урезанного социального гражданства и принуждения к низкооплачиваемой работе.

«Лишние люди» и процессы исключения в постсоциалистических странах: теоретическая дискуссия

В социологии дискуссия о «лишних людях» возникла в середине 1990-х гг. для описания процессов исключения в условиях трансформации социальных государств «старой» и «новой», расширяющейся за счёт посткоммунистических стран, Европы [Кастель 2009 (1995); Bude 1998; Ladanyi, Szelenyi 2006; Wacquant 2008]. Дискуссионными стали вопросы о специфике исключения, а также о влиянии разных стратегий перехода к рынку на скорость экономических преобразований и, соответственно — на преодоление или консервацию абсолютной бедности, на конструирование границ, отделяющих бедных от остального общества.

По одной версии процессы исключения в условиях глобализации рыночных отношений обладают специфическими чертами, и обращение к категории «лишние» в разных странах, в том числе в постсоциалистических, не всегда является знаком формирования там застойной бедности по американскому сценарию, то есть в пространственно сегрегированных и этнически маркированных сообществах [Ladanyi, Szelenyi 2006]. Геттоизация, скорее, актуальна для стран с неолиберальным режимом, где ускоренным образом идёт формирование среднего класса (например, в Венгрии), нежели для стран с патримониальным режимом, таких как Россия, где восходящая мобильность тормозится клиентистской зависимостью между рабочими и управленцами. Тем самым исследователи обращают внимание на разные формы исключения, проявляющиеся в определённом социальном и историческом контексте. Различия в исключении, по их мнению, связаны с характером общественного развития (стабильное или изменчивое), с типом государственной политики (ассимиляционная или сегрегационная), а также с режимом рыночного реформирования. Посткоммунистическая трансформация включается исследователями в общий процесс рыночной глобализации и характеризуется динамичными структурными изменениями, сегрегационной политикой и *классификационной борьбой* вокруг этничности и гендера.

По другой версии постсоциалистические траектории развития отличаются снижением способности государства интегрировать «опекаемый класс», то есть зависимых от государственной поддержки, и распространением «избыточного» слоя, подвергающегося *вторичной эксплуатации* не напрямую в системе производства, а путём принуждения к низкооплачиваемой работе в качестве «второсортной рабочей силы» [Dorje 2011]. В целом такая позиция согласуется с общей тенденцией европейских исследований, опирающихся в концепциях социального исключения на идею гражданского права претендовать и иметь минимальный уровень благополучия и участия [Castells 1998: 73]. Исходя из этой логики, регулирование, скорее, классового, а не этнического неравенства обуславливает процессы исключения. Причём консервативно настроенные исследователи формирование «лишних» слоёв чаще объясняют поступательным общественным развитием (то есть движением общества вперёд) и неспособностью быть режиссёром личной жизни [Bude, Willis 2006]. Критически настроенные исследователи, напротив, отмечают увеличение бедного населения в тех странах, где была проведена экономическая ре-

структуризация. Подчёркивается, что ситуация «вытеснения» становится приметой глобального рынка и феминизации национальных государств, оказавшихся не в состоянии обеспечить прежний уровень жизненных стандартов [Sassen 2013]. Иными словами, специфика исключения в постсоциалистических условиях связывается с поступательным развитием, активизирующей политикой государства, повышением ответственности граждан за благополучие и усугублением классового неравенства.

На этом фоне примечательной является третья версия, сформулированная российскими исследователями. Социальное исключение связывается ими с постиндустриальным этапом развития, когда на место вертикальной приходит горизонтальная стратификация, а неравенства связаны с дискриминацией индивидов или семей от основных механизмов интеграции [Тихонова 2003: 94]. Несмотря на отставание в развитии, признаётся уместность применения концепции социального исключения в России, где примерно треть населения испытывает разные виды исключения из-за просчётов в реализации экономических реформ [Тихонова 2003: 105]. При этом утверждается, что «люмпенизированные городские низы» в России — это примета прединдустриальной бедности, корни которой — вне рынка труда, поскольку «лишние» оказались ненужными даже как объект эксплуатации. По мнению авторов данной версии, «в силу их («Лишних людей». — С. Я.) плохой социализации в современной культуре и низкой квалификации их очень сложно включить в рынок труда, по крайней мере, так, чтобы вопрос их бедности был тем самым снят» [Аникин, Тихонова 2014: 267–269]. Сторонники такой позиции исходят из специфики процессов исключения в России, что связано с ее догоняющим развитием и структурными переменами, в которые не вписываются определённые социальные слои.

Наконец, четвёртую версию предлагают исследователи, акцентирующие внимание на процессах адаптации к рынку в ситуации деинституционализации, когда прежний (советский) институциональный порядок уже не действует, а в жизненных стратегиях проявляется «индивидуальное» реагирование на смену условий жизнедеятельности [Наумова 1995; Burawoy, Krotov, Lytkina 2000]. В таком представлении постсоциализм означает высокую подвижность и постоянные изменения в параметрах действия, внутри которых организуются повседневная рутина и практика. В результате участники стремятся выстраивать стратегии в рамках короткого временного горизонта. Социалистическое прошлое вплетается в настоящее не как наследие, а как адаптация к рынку [Burawoy, Verdery 1999]. Исследователи справедливо отмечают, что процесс адаптации характеризуется неравными стартовыми возможностями и отсутствием каналов вертикальной мобильности для слабонересурсных групп населения, что ведёт к минимизации их потребностей и выработке специфических способов использования внутренних ресурсов [Лыткина 2011]. Однако, как и в предыдущем случае (см. третью версию), преувеличивается стихийность рыночных процессов.

Во всех четырёх версиях процесс исключения в постсоциалистических странах рассматривается как результат взаимодействия структурных и культурных механизмов. Если в первых двух версиях акцент делался преимущественно на социальных границах, выстраиваемых извне в процессе изменения экономической структуры при сегрегационной или активизирующей политике национальных государств, то в двух последних — на защитном механизме выживания, вырабатываемом изнутри в ответ на крушение привычного социального порядка и неспособность ключевых социальных институтов обеспечить благополучие определённым социальным слоям в процессе смены социальной и экономической системы. В итоге рассматриваются институциональные механизмы, в которых многоуровневая комбинация соединяет вместе рынок, государство, пространство и общество. Однако все четыре перспективы ограничены в выявлении специфики исключения в постсоциалистических условиях. В данной статье акцент делается на том, как постсоциалистические траектории выпадения вплетены в процесс формирования управляемого и институционально регулируемого качества отношений с бедными. Особенность режима исключения в России определяется снижением государственного контроля над классовым неравенством, перенесением издержек перестройки сферы оплачиваемой занятости на ин-

дивидов и домохозяйства и, соответственно, определёнными институциональными барьерами на пути к реализации рыночных шансов, в которых «низовая» логика сопротивления рынку сочетается с политикой усечённого социального гражданства.

Режим исключения в постсоветском рыночном обществе: стратегия и методы исследования

Чтобы увидеть и зафиксировать процесс накопления лишений, лежащие в его основании способы последовательного вытеснения на социальное дно в постсоветском обществе, была разработана методика многомерного измерения материального статуса, или социального класса семьи респондента. Во-первых, исследование проводилось среди зарегистрированных бедных, с доходами ниже прожиточного минимума, позволяющими обратиться за помощью к государству; во-вторых, из всех официальных бедных мы выделили четыре группы по степени нуждаемости, определяемых на основании оценок интервьюерами трёх составляющих материального статуса семьи (стандарты потребления, имущественная обеспеченность и качество жилья). В результате были выделены четыре социальных класса:

- *исключённые* — очень бедные, чья материальная ситуация на протяжении 10 лет исследования оставалась неизменной или ухудшалась в силу ограниченного денежного дохода и невозможности поправить в высшей степени низкий уровень имущественной и жилищной обеспеченности. Экономическое исключение данной категории сопровождалось выпадением из сферы стабильной занятости и сокращением социальных связей;
- *выживающие* — семьи с нестабильной материальной ситуацией и явной тенденцией к её ухудшению, как правило — из-за отсутствия материальных ресурсов прошлого для компенсации издержек кризисной занятости;
- *работающие бедные* — семьи с нестабильной материальной ситуацией, но с явной тенденцией к улучшению в силу наличия материальных ресурсов прошлого.
- *обеспеченные бедные* — домохозяйства со средней имущественной и жилищной обеспеченностью, но колебания в регистрируемых денежных доходах позволяют им рассчитывать на государственную поддержку.

Каждый раз при возвращении к респондентам уточнялся их социальный класс и, таким образом, отслеживались изменения в материальном благополучии и составе тех, чьё положение отягощалось накоплением лишений (с течением времени). В таблице 1 приведены данные о динамике материального положения домохозяйств.

Таблица 1

Динамика материального положения домохозяйств среди зарегистрированных бедных, 2001–2010 гг.

Социальный класс домохозяйств	2001 г.		2010 г.		
	Количество	%	Количество	%	
Небедные	4	9	10	27	
Временно бедные	Обеспеченные	9	19	7	18
	Работающие бедные	16	35	8	21
Постоянно бедные	Выживающие	12	26	7	18
	Исключённые	5	11	6	16
Всего	46	100	38	100	

Согласно данным приведённым в таблице 1, в 2010 г. около трети домохозяйств находились в числе постоянно бедных, из которых половина (шесть домохозяйств) оставались на протяжении 10 лет в категории «исключённые» и примерно столько же (семь домохозяйств) — в категории «выживающие» со скудным уровнем материальных ресурсов и нестабильным доходом, позволяющим едва сводить концы с концами. Именно эти две категории оказываются в числе «лишних» наряду с испытывающими нисходящую мобильность работающими бедными. Если уровень материального положения свидетельствует о степени экономического исключения, то динамика материального положения — о наличии барьеров на пути к благополучию. Подняться из крайней нижней позиции никому не удалось.

Динамичнее развивалась ситуация среди «выживающих»: одно домохозяйство спустилось в число исключённых, три поднялись на ступень выше — в обеспеченные бедные и столько же оказались в числе небедных. В то же время в число выживающих переместилось три домохозяйства из числа обеспеченных бедных. Для детального анализа способов вытеснения на социальное дно были отобраны четыре пары случаев.

Первая пара — *типичные исключённые* (женщина 1960-го года рождения и мужчина 1964-го года рождения). Оба в начале исследования находились в крайней степени бедности, проживали в общежитии, являясь горожанами во втором поколении, перебивались случайными заработками и получали пенсии по потере кормильцев. Будучи квалифицированными рабочими, они сами уволились с работы на волне перемен и больше не смогли найти стабильное рабочее место. Их сложная экономическая ситуация отягощалась социальной изоляцией и явными признаками деградации на фоне алкогольной зависимости.

Вторая пара — *дрейфующие вниз* (женщина 1968-го года рождения; мужчина 1971-го года рождения). Эти люди оказались в числе исключённых к концу исследования в результате перемещения из более благополучных социальных классов. Оба также горожане во втором поколении, из числа рабочих, занятых в сфере торговли. Материальная ситуация довольно критичная, но они предпринимали многочисленные попытки сменить рабочее место и остановить нисходящую мобильность, используя открывшиеся возможности самозанятости или социальной защиты. Однако все попытки оказались безуспешными, постепенно накапливался опыт неудач и разочарований, разрушались семейные отношения.

Третья пара — *вырвавшиеся наверх* (женщина 1960-го года рождения; мужчина 1957-го года рождения). Эти люди пережили достаточно продолжительный период исключения, сопровождавшийся потерей семьи и работы. Однако оба смогли выйти из этого состояния благодаря радикальной смене профессии и созданию новых партнёрских отношений, причём для женщины восхождение было в первую очередь связано с работой, а потом — с новой семьёй, для мужчины, наоборот, сначала появилась семья, а потом и стабильная работа. Экономическое исключение в этой паре не проявляется столь очевидно в силу наличия материальных ресурсов прошлого (у обоих есть квартиры). Респонденты стремились поправить шаткое материальное положение за счёт перехода в бюджетный сектор, совмещения стабильной занятости с подработками. Важное значение в стабилизации положения принадлежало созданию семьи.

Наконец, четвёртая пара — *работающие бедные* (женщина 1958-го года рождения; мужчина 1964-го года рождения). Отличительная особенность этой пары — сохранение одного и того же рабочего места на протяжении всего исследования, многочисленные подработки сопровождались мобилизацией семейных и сетевых ресурсов. Оба профессионально ориентированы и дорожат своей работой. В столкновении с проблемами задержек заработной платы или её низких размеров стремились сохранить место работы, значимое как средство профессиональной самореализации.

Каждая из четырёх пар представляет разные примеры «невидимых» и оставшихся непризнанными способов решения материальных затруднений.

Управление благополучием «снизу»: невидимая работа по преодолению трудностей

Особый интерес представляет логика практик проживания в бедности или повседневной борьбы за благополучие через «защитные» стратегии, то есть такой опыт преодоления трудностей, которые способствуют вытеснению на дно, оставаясь непризнанными. Противостояние навязываемым «сверху» правилам игры остаётся невидимым, ему сопутствует глухая оборона, оно и ведёт к *приспособлению*, то есть к принятию лишений, согласию на снижение статуса и исключение. Через осмысление «снизу» самими информантами «карты отношений», на протяжении длительного времени сдерживающих их устремления и принуждающих к принятию непривилегированной статусной позиции, восстанавливается *режим исключения*. Режим исключения — институционально организованное ограничение доступа к ресурсам, необходимым для обеспечения распространённых и общепринятых в данном обществе стандартов жизни, свидетельствующих об интеграции в рыночное общество обслуживания, где уже не производство товаров, а производство услуг обеспечивает доступ к источникам средств существования.

Режим исключения в условиях неолиберальной трансформации: случай России

Далее будут кратко обозначены особенности российского контекста, в котором разворачивается вторая социальная трансформация⁶. Данную трансформацию всё чаще называют неолиберальной, поскольку в интересах стимулирования экономического развития рыночные отношения расширяют сферу действия, распространяясь на социальное воспроизводство путём продвижения этики индивидуальной ответственности и сокращения масштабов государственного вмешательства в решение социальных вопросов. При этом государство становится инструментом стимулирования рыночной активности, социальная политика подчиняется экономической, а работа — в широком смысле, то есть любая *приносящая доход деятельность* — оказывается основным пропуском к общедоступным прежде благам (медицинское обслуживание, образование, социальная защита и т. д.). В условиях глобализации рыночной экономики, существенно меняющей структуру занятости и качество рабочих мест⁷, данные процессы сопровождаются ростом неравенства, распространением бедности на работающих, пространственной сегрегацией низов, неспособностью систем социальной защиты своевременно выявлять зоны неблагополучия и предлагать адекватные способы социальной работы в них.

В этом глобальном алгоритме российская ситуация обладает определённой спецификой, обусловленной *радикальностью перемен* и стремлением реформаторов в максимально короткие сроки внедрить в стране реального социализма рынок «сверху», освободив граждан от советских гарантий и «неэффективных» рабочих мест, предоставив бывшим советским людям возможность самостоятельно искать выход.

В стране реального социализма материальное благополучие и интеграция в общество обеспечивались распределительной системой, организованной вокруг рабочего места и поощряющей «любовь особого рода» к труду [Алашеев 1997: 169], через всеобщую занятость и признание труда в качестве потребности [Здравомыслов, Ядов 2003]. Безработица и бедность отсутствовали. Даже низкоквалифицированная работа обеспечивала прожиточный минимум. Минимальный размер заработной платы соотносил-

⁶ Первую социальную трансформацию связывают с переходом к индустриальному обществу [Поланьи 2002 (1944)], а вторую — к постиндустриальному.

⁷ *Растёт так называемая десоциализация труда, то есть сокращение трудовых гарантий, контролирующих рыночные риски низкой оплаты труда, безработицы или утраты трудоспособности [Wacquant 2008].*

ся с минимальным потребительским бюджетом — мерой приемлемого уровня жизни при социализме, а не абсолютным показателем бедности [Клугман, Брейтуейт 1998: 13–14]. Государственные данные о денежном выражении минимального потребительского бюджета не публиковались и не использовались для оценки доходов семей. Зато расчёты минимального потребительского бюджета применялись для исчисления размеров минимальной заработной платы [Клугман, Брейтуейт 1998: 14]. «К 70-м годам минимальная заработная плата была поднята до 150% от величины прожиточного минимума, а минимальная пенсия по старости — до уровня стоимости прожиточного минимума для пенсионера» [Бедность и льготы 2002: 6]. Развивались доступные публичные — государственные и бюджетные — сферы образования и здравоохранения. Действовали относительно универсальные правила интеграции в общество (рабфаки, ведомственные больницы, общежития и т. п.). В целом стабильность системы реального социализма обеспечивалась перераспределением благ, представляемых индустриальной плановой экономикой в зависимости от вклада в реализацию задач по индустриализации. Из системы исключались лишённые гражданских прав, то есть преступники, политически нелояльные, несогласные с трудоцентристской этикой.

Иной принцип исключения реализуется в ходе либеральных рыночных реформ, направленных на подчинение трудовых отношений рынку, развитие системы частного страхования от рыночных рисков (то есть от безработицы, нетрудоспособности) и внедрение адресной, основанной на учёте денежных доходов домохозяйств, системы государственной поддержки. При таком подходе предполагается создание управляемой бедности — социальной ниши для наименее адаптивных к рынку сограждан. В основе радикальных изменений лежат рецепты Всемирного банка: свободный рынок, экономическая реструктуризация предприятий, сокращение бюджетных расходов, контроль уровня безработицы и бедности, ориентация на экономический рост. Специфика заключается как в радикальности реформ, так и в разрыве между либеральной практикой реформирования социальной сферы и социально-ориентированной риторикой правительства [Матвеев 2015: 33]. В частности, не соответствующим риторике социального государства является низкий уровень пособий по безработице и бедности.

Вопреки ожиданиям благотворного влияния саморегулируемого рынка, расширяется сегмент низкооплачиваемых рабочих мест. Сначала первая волна реструктуризации в 1990-х гг. сферы занятости обернулась сокращением промышленности, расширением торговли и сферы услуг с низкооплачиваемыми, как правило, рабочими местами и минимальными трудовыми гарантиями. Вторая волна (2000-е гг.) связана с оптимизацией бюджетной сферы и сворачиванием социальных гарантий (то есть с ограничением доступа к нерыночным услугам — образованию, медицинскому обслуживанию). При этом признается, что производительность труда в промышленности, а тем более в сфере услуг несопоставимо ниже уровня развитых капиталистических стран [Прогноз... до 2030 года 2013: 69]. На этом фоне высокая занятость — это специфический способ внешней адаптации работников, готовых трудиться за низкую плату и одновременно искать самостоятельно способы её компенсации и защиты от дисциплинирующей роли рынка.

Происходит фактическое сокращение социальных обязанностей государства по обеспечению базового уровня благополучия. С начала 1990-х гг. минимальная заработная плата перестаёт соответствовать реальному минимуму материальной обеспеченности [Chetvernina 1995: 50–51]. С 1991 г. методика расчётов прожиточного минимума в России менялась трижды, и всегда — в сторону ужесточения. Минимальная потребительская корзина в 1992 г. была в два раза дешевле корзины советского периода, а прожиточный минимум с 2000 г. — на 15–20% выше минимума 1992 г. [Овчарова 2001]. При этом «трудовой» принцип доступа к общим благам сохраняется в ключевых критериях социальной политики, о чём свидетельствует соотношение с прожиточным минимумом минимальной заработной платы,

пенсии и пособий на детей⁸. Тем не менее рабочее место перестаёт быть эпицентром распределения благ и замещается домохозяйством. Доступ к детским пособиям, жилищным субсидиям и адресной социальной помощи организуется через оценку доходов домохозяйства. Проводится избирательная социальная политика, то есть с учётом размера денежных доходов проблематизируется бедность, которая из феномена жизненного цикла и временного явления делается проблемой абсолютной бедности. Причём в 2000-е гг. по отношению к ВВП доля расходов на адресные программы сократилась в два раза: с 0,41% в 2003 г. до 0,21% в 2007 г. [Овчарова, Малеева 2010: 259].

В результате сформировались неожиданные для российского государства и общества последствия, которые ярко проявились в условиях экономической стабилизации, когда, как ожидалось, экономический рост позволит преодолеть бедность работающих (то есть бедность из проблемы большинства станет уделом социального меньшинства). Только к 2006 г. удалось достичь пореформенного уровня экономического развития [Прогноз... до 2030 2013: 5]. В дальнейшем, несмотря на экономический рост и стратегию формирования среднего класса, сохраняется бедность работающих и семей с детьми [Овчарова 2010: 36], происходит люмпенизация мужской части населения [Мау, Кузьминов 2013: 362], в разы выросло неравенство [Россия в цифрах 2012].

Таким образом, исключение из общества обусловлено изменением институционального оформления трудовых отношений, то есть сокращением государственного контроля за соблюдением трудового законодательства, расширением зоны низкооплачиваемой занятости, мобилизацией ресурсов домохозяйств для компенсации низких доходов в сфере оплачиваемой занятости. *Не выработан рыночный механизм распределения прибыли, поэтому практические действия населения становятся катализатором специфических способов сопротивления рыночным отношениям.* Теоретические представления либерально настроенных интеллектуалов о саморегулируемом рынке вошли в противоречие со стихийными процессами, которые были запущены в результате игнорирования особенностей прежней, советской системы и исключительно негативного её маркирования, весьма приблизительного представления о виде российского производства, конкурентоспособного в условиях глобального рынка, скепсиса в отношении запросов и реакций снизу [Мау 2010: 16; Аузан 2011: 14, 20]. Была создана ресурсная экономика, истощаются социальные связи и продолжается конструирование бедности [Раунд 2006]. Далее речь пойдёт о том, как такой способ администрирования способствует консервации защитных стратегий, ведёт к разрушению социальных связей и усилению авторитарных тенденций.

Феномен «работающих бедных»: фрагментация и вытеснение на периферию

Появление работающих бедных в процессе рыночных реформ в постсоветской России признавалось временным. В условиях экономического роста данная проблема должна быть сведена к минимуму и касаться лишь незначительной части *наименее адаптивных* к рынку сограждан. Именно им, самым уязвимым, полагалось оказывать адресную социальную поддержку. Причём считалось, что в первую очередь это будут безработные и наиболее нуждающиеся (с низкими доходами и низким уровнем материальной обеспеченности). Такая позиция вполне согласуется с обязательствами социального государства и принципом либеральной социальной политики: «заслужить» право на социальную помощь, доказав свою нужду в ней. Однако подобные ожидания мало соответствуют реалиям, в которых действовали и действуют наши информанты в поисках достойной работы.

⁸ В 2010 г. размер прожиточного минимума россиянина составлял 5685 руб., минимальный размер оплаты труда — 4330 руб., минимальная величина пособия по безработице — 850 руб., а максимальная — 4900 руб., пенсия — 6177 руб., стипендия обучающихся за счет средств бюджета — 1340 руб., минимальный размер детского пособия — 2020 руб., а среднемесячная заработная плата — 20 952 руб. Для сравнения: в 1980 г. минимальная потребительская корзина составляла около 65 руб. [Клугман, Брейтуейт 1998: 15], а среднемесячная зарплата всех трудящихся была 169 руб., рабочих промышленности — 183 руб., занятых в аппарате органов управления — примерно 160 руб. [СССР в цифрах в 1987 г.: 196–199].

В конце 1990-х гг. при знакомстве с нашими информантами, столкнувшимися с сокращением рабочих мест, ключевой была тема «хорошей» и «плохой» работы [Ярошенко 2005]. Важно подчеркнуть, что деньги (размер и стабильность заработка), а не гарантии и трудовые или социальные права (защищённость) причислялись тогда к важным критериям оценивания «качества» рабочих мест. Спустя 10 лет, в 2010 г., представления о «хорошей» работе стали ещё более приземлёнными и ориентированными на любую работу в сфере рыночных услуг. Снизилась и притязания относительно размера заработной платы. Среди наших респондентов больше половины были заняты на рабочих местах с низкой заработной платой (см. табл. 2)⁹. Незавидная оплата труда стала вынужденно приемлемой. Причём все больше рассуждений о перспективах её сохранения, а не повышения или согласования с трудовым вкладом. Как и 10 лет назад, гарантия достойной заработной платы и комфортных условий труда не рассматривается в качестве реальной перспективы. *Иными словами, сокращение привилегий и гарантий, принятых для наёмных работников при реальном социализме, не компенсируется ростом возможностей в другом развивающемся сегменте.*

В таблице 2 приведены основные характеристики позиций, занимаемых нашими информантами на рынке труда и составленных на основе формализации ответов. На протяжении 10 лет исследования сохранялся высокий уровень занятости постоянно бедных, в том числе исключённых. Несмотря на период экономической стабилизации, высокой остаётся и доля занятых на рабочих местах с низкой заработной платой. Примечательным, соответствующим логике рыночных преобразований, является и существенное перемещение работников из бюджетной сферы социального воспроизводства в сферу рыночного обслуживания. Но особенно важно то, что сокращается «классовая» разница в материальном благополучии. В начале 2000-х гг. неквалифицированные рабочие преобладали в числе постоянно бедных; спустя 10 лет там оказываются и квалифицированные работники.

Таблица 2

Структуры возможностей на рынке труда среди зарегистрированных бедных, 2001–2010 гг.

Категории информантов	2001 г.		2010 г.			
	Постоянно бедные (чел.)	Временно бедные (чел.)	Социальный класс домохозяйства			Не-бедные (чел.)
			Не-бедные (чел.)	Постоянно бедные (чел.)	Временно бедные (чел.)	
Безработные	4	1	0	1	0	0
Неработающие	3	2	0	3	2	2
Занятые,	10	22	4	9	13	8
в том числе с низкой зарплатой*:	0	10	1	5	10	1
в сфере социального воспроизводства;	8	8	2	3	5	2
в сфере рыночных услуг	1	11	2	5	3	5
Неквалифицированные рабочие	6	5	0	4	5	0
Квалифицированные рабочие	2	5	0	4	5	3
Служащие без высшего образования	0	9	1	0	1	1
Самозанятые	0	1	1	1	2	0
Всего	17	25	4	13	15	10

* Размер заработной платы меньше половины средней зарплаты по региону.

⁹ К низкой относится заработная плата, размер которой меньше половины средней зарплаты по региону. Для справки о динамике жизненных стандартов: прожиточный минимум в третьем квартале 2001 г. в рассматриваемом регионе составлял 1826 руб., а средняя заработная плата — 4104 руб.; прожиточный минимум в третьем квартале 2010 г. — 7384 руб., а средняя заработная плата — 23 988 руб.

Общим для всех категорий является ощущение сужающихся возможностей обеспечить прежний уровень жизни через доступную работу:

Там очень шумно, очень маленькая зарплата, работа грязная (*о работе няни детского сад, 44-1*)¹⁰;

Работа есть, но платить почему-то не хотят (*электрик, 48-1*)

Работа есть, но денег не хватает (*заведующая социальной службой, 21-1*).

При этом осознаются широкие возможности трудоустройства на «бесплатную», то есть мало оплачиваемую работу. Параллельно отмечается рост требований:

Когда работала несколько месяцев в общежитии для студентов, комендант ходила по пятам, чтобы я порошок мыла плитку, ведра (*безработная, 44-2*).

Появляются опасения в «соответствии» требованиям или в том, что удастся отвести от себя необоснованные претензии:

Все старое, некрашеное — хоть мой, хоть не мой... (*безработная, 44-2*);

Она за мной ходила по пятам бесконечно — это тоже же на нервы влияет... (*безработная, 44-2*);

Мне здоровье там не позволяет работать (*безработная; бывшая уборщица, уволилась по собственному желанию, 44-2*).

В столкновении с несправедливой оценкой и предвзятым отношением работодателей исключённые обижаются и не готовы спорить:

Всю жизнь электриком работал — и не взяли (*Из-за отсутствия диплома. — С. Я.*)... Хотя в командировки брали. Там почему-то достаточно было того, что в трудовой книжке записано <...>. Я, конечно, обиделся. Потому что 13 лет работал электриком, и никто ничего плохого не сказал. Никто не сказал, что я плохо работаю. Я плюнул — ушёл, деньги не взял (*самозанятый электрик, 48-2*).

Первая реакция респондентов на предъявляемые работодателем требования — отказ от работы на невыгодных условиях, а также на условиях, унижающих профессиональное достоинство; стремление найти подработку и самостоятельно регулировать и контролировать процесс труда:

Хочу — работаю, хочу — не работаю (*электрик, 48-1*).

Далеко не сразу, но первоначальная бравада заканчивается обычно осознанием уязвимости подобной стратегии:

За день сделала 10 ящиков. Это много, мужчины столько не делают, не справляются <...> Два дня проработала, больше не смогла. Очень тяжело там, даже присесть негде (*о переборке овощей у частного, 44-2*);

¹⁰ Здесь и далее первая цифра введённого кода означает номер интервью, а вторая — этап исследования.

Калымлю, каждый день могу. Один могу или с кем-то в компании. Лучше, конечно, с компанией. Уже пять лет я не работаю. Хочется уже устроиться. А то чувствую себя волком-одиночкой. Хочется работать мне (*электрик, 48-2*).

При этом зачастую практика трудоустройства по устной договорённости приравнивается к позиции безработного ещё и потому, что неформальна, не предполагает уплаты налогов:

Я «безработный», потому что я не плачу налоги (*электрик, 48-1*).

«Вольное плавание», как правило, не отражается на материальном благополучии или укреплении переговорных позиций с работодателями. Недостаток денег у заказчиков («бабушки-пенсионерки»), рост цен на материалы и отсутствие предпринимательских навыков сдерживают реализацию на этом поприще. Постепенно появляется осознание утрачиваемых вместе с неформальной занятостью гарантий.

Следующая распространённая реакция (практика) — *мигрирующая занятость* — чаще встречается среди выживающих с нисходящей мобильностью. Она предполагает интенсивный поиск «хорошей» (стабильной, высоко оплачиваемой) работы и последовательное вытеснение на «худшие» рабочие места, с формальным трудоустройством, но с меньшей оплатой, с минимальными гарантиями:

Я же, как говорится, если не миллион, но работ очень много уже поменял <...> Работал в «Леспиле». Там зарплата 6000, но пахать-пахать и пахать. По тем временам что-то более-менее было. Потом на другую, потом на другую. Где-то что-то пробуешь (*разнорабочий, а прежде самозанятый, 36-5*).

Информанты с нисходящей мобильностью какое-то время пытаются приспособиться к рынку, соглашаясь с положением «невостребованного» профессионала (телемастера, операторы, повара и т. д.), примеряя другие профессии — дворника или грузчика, няни или уборщицы. Но каждый раз сталкиваются с ухудшением условий труда, с предъявлением всё возрастающих требований:

Но мы же по 11–12 часов в день работаем. Это же двойная норма, а платит он (*Собственник магазина. — С. Я.*) как за одну. Платит он меньше, конечно, чем положено. Но всё равно это больше, чем в других местах» (*продавец, 27-5*).

Обида из-за неприличных предложений, отказ работать на унижительных условиях и увольнение по собственному желанию («в никуда») — всё это через какое-то время приближает перспективы оказаться в числе непризнанных «вольных художников», ценящих имеющиеся навыки, не знающих, как их применить или конвертировать в деньги.

Логика *практик восхождения*, или достижения, дополняет общую картину вытеснения наёмных работников на периферию, постепенной утраты ими прежних гарантий и защит. Преодолеть нисхождение и перейти к восходящей мобильности удаётся при согласии на смену специальности, повышение интенсивности труда и готовности учиться без отрыва от производства. Но как только возникают затруднения с постоянным подтверждением всё более высокого уровня образования или готовности ко всё большей интенсивности труда, приходится отказываться от профессиональных притязаний уже в новом, развивающемся секторе обслуживания, куда информанты перешли с прежних предприятий. Среди наших информантов есть примеры переходов от заведующей социальной службой к неквалифицированной работе уборщицы или от предпринимателя к «дворнику по благу».

Оттеняет и делает более выразительным процесс вытеснения на обочину относительно стабильное положение работающих бедных. Общее ощущение потолка и роста требований точно передаётся следующей цитатой из интервью:

Сейчас такое чувство, что они тебя считают за раба. Ты на них работаешь, даже если не частное предприятие. Какое угодно предприятие. Ты для него раб. Просто раб. Чувство такое, ощущение, отношение <...> Сейчас считают, что если ты рабочий — ты не человек, ты не должен получать, живи на копейки <...> А рабочий всё... Его эра, как говорится, прошла. Вы работайте, пашите, но вы никто. Нет уважения. Вот народ спивается тоже, мне кажется. Конечно, никто силком не наливает, но всё равно, так. Деградация полная идёт, и это уже всё (*электрик, 53-5*).

Статус работника, продающего свои услуги, будь то на производстве или в сфере услуг, продолжает снижаться. Прежде такой статус позволял рассчитывать на привилегии в оплате труда (несводимой только к воспроизводству рабочей силы), на определённую автономию и карьерное продвижение. Теперь, когда предполагается вести переговоры с работодателями, оказалось, что договориться о стоимости услуги (в том числе об оплате труда) невероятно сложно из-за фактического игнорирования интересов и запросов снизу.

Итак, общим во всех социальных классах является ощущение сужающихся возможностей, усиления требований и утраты защищённости. В целом утрата защищённости характеризует положение как исключённых, так и работающих бедных. Отличие между ними — в повышенной гибкости исключённых, их готовности стать «вольными художниками» неформальной экономики, тогда как работающие бедные страшатся такой перспективы и стремятся удержаться на рабочем месте. Разнонаправленные реакции наёмных работников формируют первый элемент механизма, исключаяющего из числа благополучных, — *вытеснение на периферию*. Внешнее сходство исключённых и выживающих — фрагментация стратегий реагирования, которая на практике оказывается лишь формой внеэкономического принуждения к протесту, или бунту — «пассивному сопротивлению». Смысл такого бунта — остаться способным *лично* влиять на происходящее, справляться с невзгодами через автономное приписывание смысла своим действиям.

От труда по потребности к работе для выживания: статусная компенсация

Если предыдущая составляющая режима исключения была связана с избыточным внешним давлением, то следующая — со снижением запросов, с повышением тревожности, утратой самодостаточности и постепенным принятием лишений. Через призму того, как исключённые осмысливают привлекательность неформальной занятости, а работающие бедные — низкооплачиваемой стабильной занятости, далее рассматривается вторая составляющая режима исключения — *статусная компенсация*. В обоих случаях оценивается подвижное состояние, вызванное ослаблением взаимосвязи труда и благополучия: с одной стороны, низкая, но стабильная зарплата на фоне безработицы удерживает многих на своих рабочих местах, вынуждая мириться с материальными лишениями, сокращать свои траты на отдых, лечение, обучение детей и снижать, таким образом, качество жизни; с другой — уход от низкой зарплаты в область неформальной занятости, претерпевая те же материальные трудности.

В конце 1990-х и начале 2000-х гг. объективные условия существования достаточно точно отражались в представлениях людей, по крайней мере, в оценках с точки зрения незначительного количества привилегированных («хороших») рабочих мест [Ярошенко 2005]. Спустя 10 лет, в 2010 г., усиливается субъективное напряжение, вызванное осознанием сужения возможностей с помощью «своей» работы обеспечить себе средства к существованию и положение в обществе. Рост субъективного напряжения

можно проследить по всем категориям — исключённых, движущихся вниз, поднимающихся со дна и работающих бедных.

Несмотря на высокое значение работы¹¹, среди исключённых складывается вполне рациональное обоснование отказа от стабильной, но малооплачиваемой работы:

Больше денег уйдёт на автобус (*безработная, 44-1*);

Деньги за работу такие же (*Как размер пенсии по потере кормильца. — С. Я.*), а усилий больше (*электрик, 48-1*);

Там мало (*Платят. — С. Я.*) — 500 рублей в месяц. Я 500 за день сделаю, за 4 часа (*электрик, 48-2*);

Я ищу работу... Везде нужны электрики, но смысла нет за 500 рублей устраиваться на работу... (*самозанятый электрик, 48-2*).

Рациональной на первый взгляд является и неформальная занятость, позволяющая экономить усилия и лично распоряжаться свободным временем. Однако обратная сторона неформальной занятости — нестабильность заказов, ощущение себя волком-одиночкой. Всё это снижает преимущества такого статуса и стимулирует поиски защиты, не привязанной к профессиональной деятельности. Отсюда — стремление внешне сохранить видимость «надёжности» и стабильности через принятие непривычного статуса:

Стаж не теряется, мне напишут, что я сидел с детьми, как мама (*самозанятый электрик, 48-2*).

Менее очевиден процесс внутренней дезориентации среди информантов с нисходящей траекторией. Готовые вписаться в рынок и найти применение своим профессиональным навыкам, организационным способностям или ответственности за выполняемые дела, они обладают более высоким уровнем притязаний и поначалу стремятся осваивать рыночные возможности в надежде адекватной оценки:

Бесплатная работа — за мизерные деньги — для опустившихся людей <...> Квалификация выше, когда уважают (*о работе грузчиком, 36-2*);

Чувствуешь себя человеком каким-то, хоть маленьким, но человеком (*грузчик в магазине о периоде мелкого предпринимательства, 36-4*).

Смысл в работе ищут в надежде найти позитивную оценку профессиональным притязаниям и личным усилиям. Остро переживаются неудачи, завышенные требования и в целом несовпадение ожиданий с реальностью. Происходит нормализация дистанции между руководителями и рабочими через принуждение к исполнительности:

Не нравится — увольняйтесь (*электрик, 53-1*).

¹¹ Отношение к работе сформировано трудоцентристской этикой, согласно которой труд — основа благополучия. Причём трудовые достижения меряются не только деньгами, но и общением или интересом: «Зарплата хорошая. Хороший коллектив. Дружно жили, весело...» (*безработная о работе оператором на промышленном предприятии, 44-1*); «Для меня работа — это азарт» (*безработный о работе электриком, 48-1*).

В итоге, несмотря на трудоцентризм и значимость работы, усиливается разочарование в имеющихся рабочих местах. Доступна же работа «либо тяжёлая, либо малооплачиваемая», без перспектив продвижения по службе или хотя бы признания имеющейся квалификации. Одновременно повышаются требования работодателей, растёт дистанция между руководителями и рабочими, сокращается автономность рабочих. На фоне осознания ухудшения условий труда и качества доступных рабочих мест ещё сохраняется представление о работе как о месте общения:

Всё равно бы работала (Если бы была возможность не работать. — С. Я.). Работа — это общение» (*продавец, 27-5*).

Ещё респондентам важно сохранить желание что-то делать:

Ну, как-то я себя больше стала ценить, и всё равно я ищу работу. Всё равно я чего-то добиваюсь. Но, в принципе, чем больше платят, тем больше цены растут. И, в принципе — не утонишься, ни зачем не утонишься. Иной раз так разочаруешься, а что делать? <...> Я всё равно руки не опускаю, ещё ищу работу... (*продавец по договорённости, 27-5*).

Опыт неудач способствует актуализации, возвращению и даже усилению представлений респондентов о рабочем месте как о пространстве связей и отношений, а на фоне сужающихся возможностей чётче проявляется стремление совмещения коллективистских ценностей с этикой личной ответственности.

Эта установка ещё заметнее среди тех, кто поднимается с социального дна. При явном осознании, что коллектив уже не тот, что произошёл раскол и «каждый сам за себя», в оценках ярче проявляется акцентирование личных заслуг и личной выгоды:

Благодаря работе, себе, своей активности и грамотности я получила жилье... (*женщина, социальный работник, 21-1*);

Я работаю головой. Зачем квалификацию я буду терять? (*мужчина, электрик, 53-5*).

Эгоцентризм совмещается с отчуждённым представлением респондентов о работе, которая перестаёт считаться *одновременно* источником средств к существованию и деятельностью, приносящей удовольствие. Всё реже предполагается возможность таких ситуаций, как работа за интерес, ради какого-то общего дела, и всё чаще навязанное выживание сопровождается попытками компенсировать нереализованные возможности профессионального роста хорошими взаимоотношениями с коллегами и руководителями. Возникает потребительское отношение к работе и готовность за деньги выполнять любые задания. Постепенно, без поощрения, то есть без внешнего признания («человеческое отношение») или внутреннего удовлетворения (ощущение важного и значимого дела), интерес к любимому занятию утрачивается. Появляется отчуждение, а за ним следует лояльность — готовность выполнить за деньги любое задание. Снимается ответственность за результат труда. Несогласным пройти этот путь присуще чёткое нежелание заниматься чем-то регулярно.

Таблица 3

Отношение к труду среди зарегистрированных бедных, 2001–2010 гг.

Отношение к труду	2001 г.						2010 г.					
	Социальные классы домохозяйств						Социальные классы домохозяйств					
	Постоянно бедные (чел.)	Временно бедные (чел.)	Небедные (чел.)	Постоянно бедные (чел.)	Временно бедные (чел.)	Небедные (чел.)	Постоянно бедные (чел.)	Временно бедные (чел.)	Небедные (чел.)	Постоянно бедные (чел.)	Временно бедные (чел.)	Небедные (чел.)
В работе нравится:	0	4	1	1	0	3						
— доход;												
— коллектив (общение)	5	7	0	4	7	4						
Работа без материальной необходимости	12	18	4	7	6	7						
Всего	17	25	4	13	15	10						

В таблице 3 приведена динамика отношения к работе. Доход как признак признания профессионализма уступает место общению в коллективе. Ценность работы без материальной необходимости снижается.

Таким образом, работа — это значимый жизненный стандарт, показатель качества жизни и способ самореализации. Общей для всех категорий нуждающихся остаётся высокая значимость и привлекательность даже низкооплачиваемой работы при условии сохранения автономности среди исключённых или возможностей самореализации (карьеры) среди работающих бедных. Различие проявляется в переосмыслении трудоцентристской этики. Очевидно проникновение идеологии личной ответственности, рационального расчёта, что внятнее вербализуется теми, кто смог подняться. Бесперывный же опыт лишений усиливает ощущение тупика и растерянность, осознание важности работы как места общения.

Далее будет показано, что именно сопротивление рыночному давлению и осознанное антирыночное социальное действие сформировали основу такого способа выпадения из постсоветского общества, как *ресурсное истощение*.

Альтернативные стратегии: от частной защиты к ресурсному истощению

Тут зарплата у меня — 130 (Рублей. — С. Я.) сейчас оклад, так вот, что на эти деньги купить? Один, два раза в магазин выйти, и как хотите, так и живите... В СОБЕС идёшь, спрашивают: а как же вы живёте на эти деньги? А как? Не умеете платить, так и живём. Что мы можем сделать, мы же сами себе не добавим (2000 г., женщина, 1968 г. р.)

Фрагмент интервью, приведённый выше, содержит квинтэссенцию реакций, связанных с критикой действий государственных служб в обеспечении гражданского права на защиту и самостоятельность в поиске источников пополнения низких доходов. Подобная реакция не является исключительной. В начале исследования все респонденты имели социальную помощь, то есть, обратившись в центры социальной защиты и представив требуемые справки, получили статус «нуждающаяся семья». К концу исследования, несмотря на продолжающиеся материальные затруднения, лишь пятеро сохранили данный статус. Рассмотрим далее, как выстраивались правила использования социальной поддержки и разворачивания имеющихся возможностей.

Лейтмотив взаимодействия с социальными службами окрашен негативными тонами и безысходностью. Наши респонденты из числа исключённых отмечали сложности в сборе необходимых справок для перерегистрации:

Они (*Сотрудники коммунальной службы. — С. Я.*) так моё дело растянули, справку о составе семьи не дают. Мы должны за комнату 2000 рублей, говорят: «Заплати хотя бы 500 рублей, тогда дадим справку». А откуда я их возьму? Вот и не пользуюсь субсидией, ребёнок в школе не питается бесплатно... (*женщина, живёт на пенсию по потере кормильца, 44-4*).

Помимо задолженности по коммунальным платежам, для некоторых респондентов непреодолимой преградой оказывалось подтверждение невыплаты алиментов. Сложные отношения с бывшими супругами оказывались серьёзным препятствием для получения требуемых справок. В ряде случаев правила предоставления социальной помощи или выплаты пособий по потере кормильца поощряли практику неформальной занятости, становились сдерживающим фактором формального трудоустройства:

Мне надо устроиться, чтобы было тысячи три-четыре. Вот так устроиться, тогда я плюну на эту пенсию (*мужчина, на приработках, 48-4*).

В целом, обращение в социальные службы было испытанием. Фильтры на входе в систему не пропускали именно тех, кто больше всего нуждался в поддержке.

Респонденты с опытом нисходящей мобильности подчёркивали необходимость социальной помощи для компенсации низкой оплаты труда, но и они отрицают возможность жизни на социальное пособие:

Дома сидеть на это пособие. Какое там пособие. Я лучше тут (*Няней детского дома. — С. Я.*) подработаю (*женщина, 27-3*).

Респондентами предпринимались попытки найти более надёжную защиту от безработицы, от тяжёлой и малооплачиваемой работы. В ряде случаев ухудшающееся здоровье позволяло претендовать на пенсию по инвалидности. Но меняющиеся правила подтверждения ограниченной трудоспособности вновь возвращали претендентов на периферию рынка труда:

По идее, мне после инфаркта они должны были дать сразу вторую группу (*Речь идет об инвалидности. — С. Я.*), хотя бы третью сделать, вернуть. А мне даже третью не вернули <...> С пенсией было легче. Я хотя бы где-то что-то могла <...> Задолженность по квартплате растёт <...> Иной раз сядешь, прямо заревёшь от бессилия...» (*женщина, 27-5*).

Респонденты с восходящей траекторией чаще возлагали надежды на службы занятости как канал для переквалификации. Однако их опыт обращения в эти инстанции также был неудачным:

Я словно зек, которого выпускают на свободу, должен был каждую неделю отмечаться. Это ужасно (*мужчина, 22-1*).

Работающие бедные предпочитали самостоятельно искать работу:

В трудоустройство не пойду. Это нужно быть или совсем душой или очень умной. Я когда после института осталась без работы, встала на учёт. Это как ловушка... (*женщина, 12-1*).

Ограниченная институциональная поддержка готовности повысить квалификацию, освоив новую профессию или развив предпринимательские навыки, получив финансовую поддержку, стимулирует формирование защитных стратегий, которые проявляются в стремлении компенсировать низкие трудовые доходы имеющимися ресурсами индивидов и домохозяйств.

Сопrotивление «снизу» выражается в активизации «частных защит» в ответ на расширение зоны низкооплачиваемой занятости и внедрение адресной, основанной на оценке доходов, системы социальной поддержки. Защиты могут варьироваться от самозанятости и подработок до различных вариантов выхода из рынка труда. Защиты объединяет то, что это виды деятельности, которые значимы как способ компенсации нехватки средств. В то же время — это значимые сферы жизнедеятельности, сжимающиеся и разрушающиеся под воздействием процессов товаризации (то есть овеществления и перевода в деньги или активы) доступных возможностей или способностей и навыков — трудовых, гражданских, сетевых (круги взаимопомощи), семейных ресурсов.

Таблица 4

Жизненные стратегии среди зарегистрированных бедных, 2001–2010 гг.

Стратегии информантов	2001 г.		2010 г.			
	Социальные классы домохозяйств					
	Постоянно бедные (чел.)	Временно бедные (чел.)	Небедные (чел.)	Постоянно бедные (чел.)	Временно бедные (чел.)	Небедные (чел.)
Защитные:						
подработка;	11	15	3	6	4	4
самообеспечение;	3	12	2	3	6	5
помощь родственников и друзей;	10	13	0	4	2	1
социальная поддержка	8	12	1	2	3	0
Достижительские:						
переобучение;	2	7	2	0	1	3
смена специальности;	7	4	4	2	6	3
повышение квалификации	2	1	2	0	3	2
предпринимательство	0	2	1	1	1	1
Всего	17	25	4	13	15	10

В таблице 4 приведены данные о динамике защитных и достижительских стратегий среди различных социальных классов. Защитные стратегии заметно преобладают, особенно высока доля подработок и самообеспечения.

Эта тенденция подтверждается динамикой рассогласования статуса наёмных работников. Так, на первом этапе исследования, в 1999 г., из 60 респондентов рассогласование формального статуса наблюдалось в половине случаев: 15 из 37 занятых респондентов совмещали основную работу с подработками, а половина (12 из 23) зарегистрированных безработных, пенсионеров или инвалидов регулярно или время от времени подрабатывали. Спустя 10 лет, в 2010 г., в условиях экономической стабилизации, уже на пятом этапе исследования из 38 респондентов рассогласование формального статуса наблюдалось более чем в половине случаев: 13 из 28 занятых респондентов подрабатывают, и ещё треть занятых являются работающими пенсионерами. Подработки (повышение интенсивности труда) и работа на пенсии фактически становятся теми структурными скрепами, которые примиряют наших информантов с имеющимися рыночными шансами.

Рассогласованный статус наёмных работников — это не только свидетельство многозначности занятости, повышенной гибкости наёмных работников, но и признак неразрывности процессов исключения в России с экономическим классом (то есть с положением на рынке труда). Эта яркая российская специфика позволяет включиться в дискуссию относительно неясной связи исключённых с социальным классом: то ли это деклассированные элементы, то ли наёмные рабочие [Моррис 2000 (1994)]. Большая часть исключённых оказывается наёмными работниками, занятыми на периферии. Более того, эта парадоксальная связь российских исключённых с классом наёмных работников означает проведение рыночных реформ за счёт ресурсов советского прошлого. С одной стороны, происходит снижение статуса рабочих, изымаются привилегии, заложенные в заработной плате и прочих гарантиях по труду. С другой стороны, происходит перетекание рабочего класса в сферу услуг, формы вознаграждения в которой во многом определяются низким статусным признанием воспроизводительного труда общественно важной услугой.

Социальное исключение, или «Все свободны»

Прошло более 20 лет после начала рыночных реформ в России. Страна прочно вошла в рынок и встала на капиталистические рельсы. Приватизация промышленных предприятий завершена, и теперь на очереди коммерциализация социальной сферы. Политики активно используют либеральную риторику для оправдания снижения социальных расходов на сферу образования и медицинского обслуживания, минимизации государственного контроля над соблюдением трудового законодательства на фоне низкой гражданской активности. Вполне ожидаемые, типичные для большинства развитых стран процессы в российском контексте сопровождаются специфическими проявлениями, среди которых и недоверие к государству и чиновникам, и поиск иностранных агентов среди общественных организаций. Очевидно противостояние правительства и активных граждан; менее очевидно снижение возможностей большинства сограждан управлять личной жизнью. Но наиболее симптоматична растущая дистанция между состоятельными и неблагополучными гражданами. Один из очевидных её маркеров — рост социального неравенства. Другим значимым, но пока менее заметным признаком является социальная граница, отделяющая бедных от небедных, превращение бедных в статусную группу, положение которой на дне социальной иерархии отличает изоляция.

В статье рассматриваются способы выпадения из постсоветского общества. Изучение социального дна и причин вытеснения на обочину — особая стратегия исследования в постсоветском обществе, позволяющая избегать спекуляций на тему *относительной* бедности и разного рода мифов вокруг советского прошлого и постсоветского настоящего. Крайняя бедность и продолжительность такого состояния — это результат и особое качество отношений, формирование которых объясняется институционально организованным ограничением доступа к ресурсам, необходимым для интеграции в общество. Действие данного механизма рассматривается через анализ динамики структурных возможностей, практик их использования и достигаемых результатов.

Доказывается, что исключённые и работающие бедные сохраняют связь с рынком труда и занимают, как правило, одинаковую классовую позицию наёмных работников. При этом среди исключённых и работающих бедных формируются разнонаправленные стратегии занятости. Первые отличает повышенная гибкость, а вторых — стабильность и страх потерять рабочее место. Обе категории конкурируют друг с другом в рамках одного периферийного поля занятости. В результате растёт субъективное напряжение и создаётся прецедент готовности работать за низкую оплату труда с минимальными трудовыми гарантиями, без признания. Увеличение внешнего давления и требований к работникам не сопровождается институциональной поддержкой высоких запросов снизу на переквалификацию и самореализацию в профессии. При вытеснении на периферию рынка труда растёт осознание ослабления взаимосвязи труда и благополучия, снижается трудовая мотивация, возникает отчуждение. Параллель-

но формируются защитные стратегии компенсации низких доходов. Защиты носят частный характер, зависят от внутренних ресурсов индивидов и домохозяйств. В итоге возникает прецедент вторичной эксплуатации, то есть не напрямую в сфере производства, а за счёт институционального принуждения к низкооплачиваемой работе и различным видам деятельности, компенсирующим низкие доходы.

Провозглашаемая политика социального государства, составной частью которой являются создание условий для самостоятельного обеспечения благополучия, а также интеграция в общество безработных и бедных, не соответствует реальной практике. Регулирование сферы труда исходя из в высшей степени низких значений минимальной оплаты труда фактически принуждает к работе за прожиточный минимум. В то же время низкие размеры пособия по безработице не ведут к интеграции в общество, не позволяют использовать этот период для переквалификации или занятий значимой деятельностью без ущерба для здоровья и благополучия. В результате складывается особая технология управления, ориентированная на экономизацию социальной и институциональной жизни. Однако экономическая выгода такой политики сомнительна, поскольку низкая оплата труда компенсируется через защитные стратегии ресурсами из других сфер жизнедеятельности.

Структуры внешних возможностей ограничивают способность к действию, что отражается в статусной дезориентации и разнонаправленных стремлениях компенсировать ухудшение условий для самореализации в работе. В практиках использования внешних возможностей защитные стратегии преобладают над достижительскими. Происходит не накопление, а сворачивание внутренних ресурсов и, соответственно, сокращаются человеческий потенциал и свобода заниматься значимой деятельностью.

Таким образом, режим исключения подразумевает следующую последовательность действий: (1) вытеснение индивида на периферию; (2) статусная компенсация, сопровождаемая снижением запросов и утратой индивидом уверенности в себе; (3) истощение через мобилизацию индивидуальных и семейных ресурсов для компенсации перестройки оплачиваемой занятости при переходе от индустриального производства к постиндустриальным услугам. Непризнанные извне стратегии и способы активизации ресурсов, а именно интенсификация труда и диверсификация усилий, изнурительны и истощают внутренние ресурсы. Пока не найдено способа нормализации рыночной экономики обслуживания, зона исключения будет расширяться.

Литература

- Алашеев С. 1997. *О любви особого рода и специфике советского производства*. Социологический журнал. 1/2: 169–182.
- Андреев Е. А., Кваша Е. А., Харькова Т. Л. 2013. *Смертность и продолжительность жизни*. В кн.: Вишневский А. Г. (отв. ред.) *Население России 2010–2011. Восемнадцатый—девятнадцатый ежегодный демографический доклад*. М.: Изд. дом ВШЭ; 385–443.
- Андрущак Г. В. et al. 2011. *Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах: Доклад к XII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества*, Москва, 5–7 апреля 2011 г. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ.
- Аникин В. А., Тихонова Н. Е. 2014. *«Бедность по-русски» на фоне других стран*. В кн.: Горшков М. К., Тихонова Н. Е. (отв. ред.) *Бедность и бедные в современной России*. М.: Изд-во «Весь Мир»; 258–278.

- Аузан А. А. 2011. Введение. Модернизация в российском контексте. В сб.: Аузан А. А., Бобылев С. Н. (отв. ред.) Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. М.: ПРООН в РФ; 12–23.
- Бедность и льготы: мифы и реальность. 2002. М.: Независимый институт социальной политики.
- Буравой М. 2000. Великая инволюция: реакция России на рынок. Рубеж. 15: 5–35.
- Вельцель К., Инглхарт Р. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство.
- Вишневецкий А. Г. (отв. ред.) 2013. Население России 2010–2011. Восемнадцатый—девятнадцатый ежегодный демографический доклад. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Возьмитель А. А., Осадчая Г. И. 2010. Образ жизни в России: динамика изменений. Социологические исследования. 1: 17–27.
- Гайдар Е. Т. 2009. Смуты и институты. Публичная лекция 19 ноября 2009 г. URL: www.polit.ru/lectures/2009/12/10/gaidar.html#
- Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. 2003. Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс.
- Инглхарт Р. 2010. Модернизация, счастье и благополучие: Россия в сравнительной перспективе. Лекция. Москва, Высшая школа экономики, 13 декабря. URL: www.lssi.hse.spb.ru/index.php/novost/items/novost-1-2
- Карабчук Т. С., Пашинова Т. Р., Соболева Н. Э. 2013. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ. Мир России. 1: 155–175.
- Кастель Р. 2009 (1995). Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб.: Алетейя.
- Клеман К., Мирясова О., Демидов А. 2010. От обывателей к активистам: Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата.
- Клугман Дж., Брейтуейт Дж. 1998 (1997). Вступление и общий обзор. В сб.: Клугман Дж. (отв. ред.) Бедность в России. Государственная политика и реакция населения. Вашингтон: Всемирный банк; 1–32.
- Кудрин А. 2017. Устойчивый экономический рост: модель для России. Выступление на Гайдаровском форуме. Санкт-Петербург, 13 января, URL: www.akudrin.ru/news/ustoychivyyu-ekonomicheskiiy-rost-model-dlya-rossii-vystuplenie-na-gaydarovskom-forume-13-01-2016
- Лаврецкий А. 1932. Лишние люди. Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 6. М.: ОГИЗ РСФСР; Советская энциклопедия; 514–540.
- Лыткина Т. 2011. Социальная биография исключения в постсоветской России. Журнал социологии и социальной антропологии. XIV (1): 87–109.

- Малева Т. 2011. *Российский рынок труда: эффективность занятости или сокращение безработицы?* В сб.: Аузан А. А., Бобылев С. Н. (ред.) Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. М.: ПРООН в РФ; 62–75.
- Матвеев И. А. 2015. *Гибридная неолиберализация: государство, легитимность и неолиберализм в путинской России.* Российская политика. 4 (79): 25–47.
- Мау В. А. 2010. *В поисках долгосрочной стратегии.* В сб.: Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М.: UNDP Россия; 12–26.
- Мау В. А., Кузьминов Я. И. 2013. *Стратегия-2020. Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Кн. 1. М.: Дело.*
- Моррис Л. 2000 (1994) *Понятие underclass.* Экономическая социология. 1 (1): 67–91. URL: ecsoc.hse.ru/2000-1-1/26594896.html
- Наумова Н. Ф. 1995. *Жизненная стратегия человека в переходном обществе.* Социологический журнал. 2: 5–22.
- Наумова Н. Ф. 2006. *Человек и модернизация России.* М.: Канон+; РООИ «Реабилитация».
- Овчарова Л. М. 2001. *Бедность в России.* Мир России. 1: 171–178.
- Овчарова Л. М. 2008. *Бедность и экономический рост в России.* Журнал исследований социальной политики. 6 (4): 439–456.
- Овчарова Л. М. 2010. *Бедность, экономический рост и кризис в России в первом десятилетии второго тысячелетия.* В сб.: Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М.: UNDP Россия; 27–42.
- Овчарова Л. Н., Малеева Т. М. (отв. ред.) 2010. *Социальная поддержка: уроки кризисов и векторы модернизации.* М.: Дело.
- Поланьи К. 2002 (1944). *Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени.* СПб.: Алетейя.
- Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года.* 2013. М.: Минэкономразвития России.
- Прокофьева Л. М. et al. 2000. *Феминизация бедности в России: Макроэкономический анализ феминизации бедности в России.* Сборник докладов, подготовленных для Всемирного банка. М.: Изд-во «Весь Мир».
- Раунд Дж. 2006. *Конструирование феномена «бедности» в постсоветской России.* Журнал исследований социальной политики. 4 (3): 319–348.

- Россия в цифрах — 2012. М.: Госкомстат РФ. www.gks.ru/bgd/regl/b12_11/IssWWW.exe/Stg/d1/07-10.htm
- СССР в цифрах в 1987 г. 1988. Краткий статистический сборник. Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика.
- Тихонова Н. Е. 2011. Низший класс в социальной структуре российского общества. *Социологические исследования*. 5: 24–35.
- Фёдоров А. И. (отв. ред.) 2008. *Фразеологический словарь русского литературного языка*. М.: Астрель, АСТ.
- Ядов В. А. 2003. Опыт сравнительного исследования отношения к труду советских и американских рабочих. В кн.: Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. *Человек и его работа в СССР и после*. М.: Аспект Пресс; 420–430.
- Ярошенко С. 2001. Бедные северного села трансформирующейся России. *Экономическая социология*. 2 (5): 37–47. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2001-2-5.html>
- Ярошенко С. 2002. Женский проект занятости в условиях гендерного и социального исключения. *Социологический журнал*. 11: 137–150.
- Ярошенко С. 2004. Бедность независимости: северное село в режиме социального исключения. *Социологические исследования*. 7: 71–83.
- Ярошенко С. 2005. Бедность в постсоциалистической России. *Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН*.
- Ярошенко С. 2013. Женская работа и личное благополучие. Технологии исключения в постсоветской России. *Экономическая социология*. 14 (5): 23–59. URL: ecsoc.hse.ru/2013-14-5/104332351.html
- Ashwin S. (ed.) 2006. *Adapting to Russia's New Labour Market. Gender and Employment Behaviour*. London: Routledge.
- Chetvernina T. 1995. *Minimum Wages in Russia: Fantasy Chasing Fact*. In: Standing G., Vaughan-Whitehead D. (ed.). *Minimum wages in Central and Eastern Europe: From Protection to Destitution*. Budapest: Central European University press; 49–67.
- Bude H. (1998) *Die Überflüssigen als transversale Kategorie*. In: Berger P.A., Vester M. (eds) *Alte Ungleichheiten, Neue Spaltungen*. Opladen: Leske+Budrich; 363–382.
- Bude H., Willisch A. 2006. *Das Problem der Exklusion*. In: Bude H., Willisch A. (Hg.) *Das Problem der Exklusion. Ausgegrenzte, Entbehrliche, Überflüssige*. Hamburg: Hamburger Edition; 7–26.
- Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. 2000. *Domestic Involution: How Women Organize Survival in a North Russian City*. In: Bonnel V., Breslauer G. (eds) *Russia in the New Century: Stability or Disorder?* Boulder, Co.: Westview Press; 231–257.
- Burawoy M., Verdery K. 1999. *Uncertain transition. Ethnographies of Change in the Postsocialist World*. Lanham: Rowman & Littlefield publishers, Inc.

- Castells M. 1998. *Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III. End of Millennium.* Oxford: Blackwell Publishers.
- Dorre K. 2011. *Capitalism, Landnahme and Social Time Regimes: An Outline.* Time and Society. 20 (1): 69–93.
- Emigh R. J., Fodor E., Szelenyi I. 1999. *The Racialization and Feminization of Poverty during the Market Transition.* European University Institute Working Paper 99/10..
- Ladanyi J., Szelenyi I. (2006). Patterns of Exclusion: Constructing Gypsy Ethnicity and the Making of the Underclass in Transitional Societies in Europe. Boulder, CO: *East European Monographs.*
- Merton R. 1959. *Social Conformity, Deviation and Opportunity Structures: A Comment on the Contributions of Dubin and Cloward.* American Sociological Review. 24 (2): 177–189.
- Sassen S. 2014. *Expulsions. Brutality and Complexity in the Global Economy.* Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Standing G., Vaughan-Whitehead D. (eds) 1995. *Minimum Wages in Central and Eastern Europe: From Protection to Destitution.* Budapest: Central European University Press.
- Standing G. 2014 (2011). *The Precariat. The New Dangerous Class.* London; New York: Bloomsbury Academic.
- Wacquant L. 1996. *The Rise of Advanced Marginality: Notes on Its Nature and Implications.* Acta Sociologica. 39 (2): 121–139
- Wacquant L. 2008. *Urban Outcasts. A Comparative Sociology of Advanced Marginality.* Cambridge, MA: Polity Press.
- Wilson W. J. 1987. *The Truly Disadvantaged: The Inner City, the Underclass and Public Policy.* Chicago: University of Chicago Press.

Svetlana Yaroshenko

Surplus People, or About the Regime of Social Exclusion in Post-Soviet Russia

YAROSHENKO, Svetlana — Abstract

Candidate of Sciences in Sociology, Assistant Professor, Department of Comparative Sociology, St. Petersburg State University. Address: Smolnogo str. 1/3, pod. 8, 191124, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: svetayaroshenko@gmail.com

This paper examines the regime of social exclusion in post-socialist conditions: institutionally organized restriction of access to assets necessary to achieve material well-being and to be integrated into the post-Soviet market society. A specific form of social exclusion, formed in the process of market transformation and conditioned by two ways of managing poverty, is considered. First, against the backdrop of deindustrialization in the 1990s, extreme poverty appears, and adaptation to the market occurs through defensive survival strategies from places of employment. Secondly, in the situation of the formation of the market service sector in the 2000s, poverty becomes persistent and its administration is strengthened through the construction of a truncated social citizenship and coercion to low-wage labor.

From the results of longitudinal qualitative research from 1999 to 2010 among the registered poor in one Russian region, a comparison is made between structures of opportunities, the practices used, and the achieved results. It is proven that the formation of a market economy of service in post-Soviet society is accompanied by the creation of a layer of “superfluous,” displaced to the periphery of the labor market, compensating low wages with status forms of rewards, and mobilizing resources from other areas to cover low incomes. Ignoring their experience of resistance and consolidating social distance with low wages and a lack of socially acceptable alternatives, help to mystify the process of extracting profit from meaningful activities. The conclusion is substantiated that the exclusion zone will expand until a method of normalizing the market economy of services has been found. A variant of the development of sociological institutionalism is suggested, in which institutions are defined by the degree of concentration of actions for the use of available opportunities.

Keywords: surplus people; regime of social exclusion; truncated social citizenship; post-soviet market society; postsocialism; neoliberalism.

References

- Andreyev E. A., Kvasha E. A., Har'kova T. L. (2013) *Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhisni [Mortality and Life Expectancy]*. *Naselenie Rossii 2010–2011: Vosemnadzatyy—devyatnadzatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2010–2011: The Eighteenth—Nineteenth Annual Demographic Report]*, Moscow: HSE Publishing House, pp. 385–443 (in Russian).
- Alasheyev S. (1997) *O lubvi osobogo roda i spetsifike sovetskogo proizvodstva [About Love of a Special Kind and the Specifics of Soviet Production]*. *Sotsilogicheskiy zhurnal*, no 1/2, pp. 169–182 (in Russian).
- Anikin V. A., Tikhonova N. E. (2014) «Bednost' po-rossiyski» na fone drugikh stran [“Poverty in Russian style” against the Background of Other Countries]. *Bednost' i bednye v sovremennoy Rossii [Poverty and Poor in Contemporary Russia]* (eds. M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova), Moscow: Izdatelstvo “Ves' Mir”, pp. 258–278 (in Russian).

- Andrushak G. V., Burdyak A. J., Gimpel'son V. E., Ivanter A. E., Kapelyushnikov R. I., Kozyreva P. M., Kosareva N. B., Malkova M. A., Ovcharova L. N., Pishnyak A. I., Ponomarenko A. N., Popova D. O., Popovich L. D., Puzanov A. S., Selezneva E. V., Tishininova G. A., Fadeev V. A., Sheyman I. M (2011) Uroven' i obraz zhizni naseleniya Rossii v 1989–2009 godakh. *Doklad k XII Mezhdunarodnoy konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 5–7 apr. 2011 g.* [Level and Way of Life of the Population of Russia in 1989–2009. Report to the XIIth International Conference on the Problems of Economic and Social Development, 5–7 April 2011], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Ashwin S. (ed.) (2006) *Adapting to Russia's New Labour Market. Gender and Employment Behaviour*, London: Routledge.
- Ausan A. A. (2011) Vvedenie. Modernisatsiya v Rossiyskom kontekste [Introduction. Modernization in Russian context]. *Doklad o razviti chelovecheskogo potentsiala v Rossiskoi Federazii za 2011 g.* [Human Development Report in Russian Federation 2011] (eds. A. A Ausan, S. N. Bobylev), Moscow: UNDP in the Russian Federation, pp. 12–23 (in Russian).
- Bude H. (1998) *Die Überflüssigen als transversale Kategorie [Superfluous as Transversal Category]. Alte Ungleichheiten, Neue Spaltungen [Old Inequalities, New Divisions]* (eds. P. A. Berger, M. Vester), *Op-laden: Leske + Budrich*, pp. 363–382 (in German).
- Bude H., Willisch A. (2006) *Das Problem der Exklusion [The Problem of Exclusion]. Das Problem der Exklusion. Ausgegrenzte, Entbehrliche, Überflüssige [The Problem of Exclusion. Excluded, Dispensable, Superfluous]* (eds. H. Bude, A. Willisch), *Hamburg: Hamburger Edition*, pp. 7–26 (in German).
- Burawoy M. (2000) *Velikaya involutsia: Reaktsia Rossii na rynek [Great Involution: Russia's Response to the Market]*. *Rubezh*, no 15, pp. 5–35 (in Russian).
- Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. (2000) *Domestic Involution: How Women Organize Survival in a North Russian City. Russia in the New Century: Stability or Disorder?* (eds. V. Bonnel, G. Breslauer), *Boulder, CO: Westview Press*, pp. 231–257.
- Burawoy M., Verdery K. (1999). *Uncertain Transition. Ethnographies of Change in the Postsocialist World*, *Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.*
- Castel R. (2009 [1995]) *Metamorfozy sotsial'nogo voprosa. Khronika naemnogo truda [From Manual Workers to Wage Laborers: Transformation of the Social Question]*, *St. Petersburg: Aleteya* (in Russian).
- Castells M. (1998) *Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III. End of Millennium*, *Oxford: Blackwell Publishers.*
- Chetvernina T. (1995) *Minimum Wages in Russia: Fantasy Chasing Fact. Minimum Wages in Central and Eastern Europe: From Protection to Destitution.* (eds. G. Standing, D. Vaughan-Whitehead), *Budapest: Central European University Press*, pp. 49–67.
- Dorre K. (2011) *Capitalism, Landnahme and Social Time Regimes: An Outline. Time and Society, vol. 20, no 1*, pp. 69–93.
- Emigh R. J., Fodor E., Szelenyi I. (1999) *The Racialization and Feminization of Poverty during the Market Transition*. European University Institute Working Paper 99/10.

- Fedorov A. I. (ed.) (2008) *Frazologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of Russian Literary Language], Moscow: Astrel'; AST.
- Gaydar E. (2009) *Smuty i instituty [Troubles and Institutions]. Public lecture 19 November 2009*, Available at: www.polit.ru/lectures/2009/12/10/gaidar.html# (accessed 21 September 2017) (in Russian).
- Goskomstat SSSR (1988) *SSSR v tsifrakh v 1987* [USSR in Numbers in 1987], Moscow: Finance and statistics (in Russian).
- IISP (2002). *Bednost' i l'goty: mify i real'nost' [Poverty and Benefits: Myths and Reality]*, Moscow: Independent Institute for Social Policy (IISP) (in Russian).
- Inglehart R. (2010) *Modernizatsia, schastye i blagopoluchie: Rossia v sravnitel'noy perspective [Modernization, Happiness and Well-being: Russia in a Comparative Perspective]*, Lecture, Moscow, HSE, 13 December. Available at: www.hse.ru/video/26412822.html (accessed 21 September 2017) (in Russian).
- Karabchuk T. S., Pashinova T. R., Soboleva N. E. (2013) *Bednost' domokhozaistv v Rossii: Chto govoryat dannye RLMS HSE [Household's Poverty in Russia: What the RLMS HSE Data Say]*. *Mir Rossii*, no 1, pp. 155–175 (in Russian).
- Klement K., Miryasova O., Demidov A. (2010) *Ot obyvateley k aktivistam: Zarozhdauchshiesya sotysialnye dvizhenia v sovremennoy Rossii [From Ordinary People to Activists: Emerging Social Movements in Modern Russia]*, Moscow: Tri kvadrata (in Russian).
- Klugman J., Braithwaite J. D. (1998) *Vstuplenie i obshchiy obzor [Introduction and Overview]. Bednost' v Rossii. Gosudarstvennaya politika i reaktsiya naseleniya [Poverty in Russia: Public Policy and Private Responses]* (ed. J. Klugman). Washington: The International Bank for Reconstruction and Development; The World Bank, pp. 1–32 (in Russian).
- Kudrin A. (2017) *Ustoychivyy ekonomicheskiy rost: model dlya Rossii [Sustainable Economic Growth: A model for Russia]*, Report on The Gaidar Forum, St. Petersburg, 13 January. Available at: www.akudrin.ru/news/ustoychivyy-ekonomicheskiy-rost-model-dlya-rossii-vystuplenie-na-gaidarovskom-forume-13-01-2016 (accessed 21 September 2017) (in Russian).
- Ladanyi J., Szelenyi I. (2006) *Patterns of Exclusion: Constructing Gypsy Ethnicity and the Making of the Underclass in Transitional Societies in Europe*, Boulder, CO: East European Monographs.
- Lavrezkiy A. (1932). *Lishnie ludi [Superfluous]*. *Literaturnaya entsiklopediya: V 11 t. [Literary Encyclopedia. 11 vols.]*, vol. 6, Moscow: Soviet Encyclopedia Publishing House, pp. 514–540 (in Russian).
- Lytkina T. (2011) *Sotsial'naya biografiya isklyucheniya v postsovetskoy Rossii [Social Biography of Exclusion in Post-soviet Russia]*. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. XIV, no 1, pp. 87–109 (in Russian).
- Maleva T. (2011) *Rossiiskiy rynek truda: effektivnost' zanyatosti ili sokrashchenie besrabortitsy [Russian Labour Market: Efficiency of Employment or Reduction of Unemployment?]*. *Doklad o razvitiy chelovecheskogo potentsiala v Rossiskoy Federatsii za 2011 g. [Human Development Report in Russian Federation 2011]*, (eds. A. A. Ausan, S. N. Bobylev), Moscow: UNDP in the Russian Federation, pp. 62–75 (in Russian).

- Matveev I. A. (2015) *Gibridnaya neoliberalisatsiya: gosudarstvo, letimnost' i neoliberalism v putinskoy Rossii* [Hybrid Neoliberalization: State, Legitimacy and Neoliberalism in Putin's Russia]. *Russian Politics*, vol. 4, no 79, pp. 25–47 (in Russian).
- Mau V. A. (2010) V poiskakh dolgosrochnoy strategii [In Search of a Long-Term Strategy]. *Tseli razvitiya tsysyacheletia v Rossii: vzglyad v budushchee. Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Rossiskoy Federatsii*. [The Millennium Development Goals in Russia: Looking to the Future. Human Development Report in Russian Federation], Moscow: UNDP in the Russian Federation, pp. 12–26 (in Russian).
- Mau V. A., Kuzminov Y. I. (2013) *Strategia-2020. Novaya model' rosta — novaya sotsial'naya politika. Itogovyy doklad o rezultatakh ekspertnoy raboty po aktual'nym problemam sotsial'no-ekonomicheskoy strategiyi Rossii na period do 2020 goda* [Strategy-2020. A New Growth Model is a New Social Policy. Final Report on the Results of Expert Work on Topical Problems of Russia's Social and Economic Strategy for the Period until 2020], book 1, Moscow: Delo (in Russian).
- Merton R. (1959) *Social Conformity, Deviation and Opportunity Structures: A Comment on the Contributions of Dubin and Cloward*. *American Sociological Review*, vol. 24, no 2, pp. 177–189.
- Morris L. (2000 [1994]) Ponyatie underclass'a [The Concept of Underclass]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 1, no 1, pp. 67–91. Available at: ecsoc.hse.ru/2000-1-1/26594896.html (accessed 21 September 2017) (in Russian).
- Naumova N. F. (1995) Zhiznennaya strategiya cheloveka v perekhodnom obchshestve [Human Life Strategy in Transitional Society]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, no 2, pp. 5–22 (in Russian).
- Naumova N. F. (2006). *Chelovek i modernizatsiya Rossii* [Man and the Modernization of Russia], Moscow: Kanon+; ROOI «Reabilitazia» (in Russian).
- Ovcharova L. M. (2001) Bednost' v Rossii [Poverty in Russia]. *Mir Rossii*, no 1, pp. 171–178 (in Russian).
- Ovcharova L. M. (2008) Bednost' i ekonomicheskii rost v Rossii [Poverty and Economic Growth in Russia]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 6, no 4, pp. 439–456 (in Russian).
- Ovcharova L. M. (2010) Bednost', ekonomicheskii rost i krizis v Rossii v pervom desyatiletii vtorogo tysyacheletiya [Poverty, Economic Growth and the Crisis in Russia in the First Decade of the Second Millennium]. *Tseli razvitiya tsysyacheletia v Rossii: vzglyad v budushchee. Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Rossiskoy Federatsii* [The Millennium Development Goals in Russia: Looking to the Future. Human Development Report in Russian Federation], Moscow: UNDP in the Russian Federation, pp. 27–42 (in Russian).
- Ovcharova L. M., Maleva T. M. (eds) (2010) *Sotsial'naya podderzhka: uroki krizisov i vektoru modernizatsii* [Social Support: Lessons of Crisis and Vectors of Modernization], Moscow: Delo (in Russian).
- Polanyi K. (2002 [1944]) *Velikaya transformatsiya. Politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time], St. Petersburg: Aleteja (in Russian).
- Prokofyeva L. M., Rzhanitsina L., Ovcharova L. (2000) *Feminizatsiya bednosti v Rossii: Makroekonomicheskii analiz feminizatsii bednosti v Rossii* [Feminization of Poverty in Russia: Macroeconomic analysis of the Feminization of Poverty in Russia], Moscow: Izdatelstvo "Ves' mir" (in Russian).

- Round J. (2006) Konstruirovaniye fenomena «bednosti» v postsovetskoj Rossii [The Construction of ‘Poverty’ in Post-Soviet Russia]. *Zhurnal issledovaniy sotsial’noy politiki*, vol. 4, no 3, pp. 319–348 (in Russian).
- Russian Ministry of Economic Development (2013) *Prognoz dolgosrochnogo sotsial’no-ekonomicheskogo rasvitiya Rossiskoy Federatsii do 2030 goda* [Prediction of Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period till 2030], Moscow: Mineconomrazvitiya Rossii (in Russian).
- Sassen S. (2014) *Expulsions. Brutality and Complexity in the Global Economy*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Standing G., Vaughan-Whitehead D. (eds.) (1995) *Minimum Wages in Central and Eastern Europe: From Protection to Destitution*, Budapest: Central European University Press.
- Standing G. (2014 [2011]) *The Precariat. The New Dangerous Class*, London; New York: Bloomsbury Academic.
- Tkikhonova N. E. (2011) Nizhniy klass v sotsial’noy strukture rossiyskogo obshchestva [Lower Class in Social Structure of Russian Society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 5, pp. 24–35 (in Russian).
- Vishnevskiy A. G. (ed.) (2013) *Naselenie Rossii 2010–2011: Vosemnadzatyy—devyatnadzatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad* [Population of Russia 2010–2011: The Eighteenth—Nineteenth Annual Demographic Report], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Vozmitel A. A., Osadchaya G. I. (2010) *Obraz zhizni v Rossii: dinamika izmeneniy* [Lifestyle in Russia: Dynamics of Changes]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 1, pp. 17–27 (in Russian).
- Wacquant L. (1996) *The Rise of Advanced Marginality: Notes on Its Nature and Implications*. *Acta Sociologica*, vol. 39, no 2, pp. 121–139.
- Wacquant L. (2008) *Urban Outcasts. A Comparative Sociology of Advanced Marginality*, Cambridge, MA: Polity Press.
- Welzel C., Inglehart R. (2011) *Modernizatsiya, kulturnye izmeneniya i demokratiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy], Moscow: Novoye izdatelstvo (in Russian).
- Wilson W. J. (1987) *The Truly Disadvantaged: The Inner City, the Underclass and Public Policy*, Chicago: University of Chicago Press.
- Yadov V. A. (2003) Opyt sravnitel’nogo issledovaniya otnosheniya k trudu sovet’skikh i amerikanskikh rabochikh [The Experience of a Comparative Study of the Attitude Towards the Work of Soviet and American Workers]. *Chelovek i ego rabota v SSSR i posle* [Man and His Work in the USSR and After] (eds. V. A. Yadov, A. G. Zdravomyslov), Moscow: Aspect Press, pp. 420–430.
- Yaroshenko S. (2001) Bednye severnogo sela transformiruyushejsya Rossii [Poor of the North Village in the Transforming Russia]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 2, no 5, pp. 37–47. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2001-2-5.html> (accessed 21 September 2017) (in Russian).
- Yaroshenko S. (2002) Zhenskiy proekt zanyatosti v usloviakh gendernogo i sotsial’nogo isklucheniya [Women’s Project of Employment in Conditions of Gender and Social Exclusion]. *Sotsiologicheskiy zhurnal*, no 11, pp. 137–150 (in Russian).

Yaroshenko S. (2004) Bednost' nezavisimosti: severnoye selo v regime sotsial'nogo isklucheniya [Poverty of Independence: North Village in the Regime of Social Exclusion]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 7, pp. 71–83 (in Russian).

Yaroshenko S. (2005) Bednost' v postsoetsialisticheskoy Rossii [*Poverty in Post-Socialist Russia*], Syktyvkar: Komi Scientific centre UrD RAS (in Russian).

Yaroshenko S. S. (2013) Zhenskaya rabota i lichnoye blagopoluchie. Tekhnologii isklucheniya v postsovetskoy Rossii [Women's Work and Personal Well-being. Technology of Social Exclusion in Post-Soviet Russia]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 14, no 5, pp. 23–59 Available at: ecsoc.hse.ru/2013-14-5/104332351.html (accessed 21 September 2017) (in Russian).

Zdravomyslov A. G., Yadov V. A. (2003) *Chelovek i ego rabota v SSSR i posle* [Man and His Work in the USSR and After], Moscow: Aspect Press (in Russian).

Received: August 17, 2017

Citation: Yaroshenko S. (2017) Lishnie lyudi, ili O rezhime isklyucheniya v postsovetskom obshchestve [Surplus People, or About the Regime of Social Exclusion in Post-Soviet Russia]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 18, no 4, pp. 60–90. doi: 10.17323/1726-3247-2017-4-60-90 (in Russian).